

СОВЕТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ, 1944–1945 гг.

Работа представлена кафедрой всеобщей истории ВятГГУ.

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. Т. Юнгблуд

Окончание Второй мировой войны имело результатом рост интереса со стороны американцев к Советскому Союзу как важнейшему субъекту послевоенных международных отношений. При этом все элементы образа СССР базировались на оценивании особой политической системы, существовавшей в России. Осмысление характера советской государственно-политической системы и международного курса Москвы, таким образом, стало естественной реакцией американского общественного мнения на события объективного исторического характера.

Тема американского восприятия советской системы крайне противоречива. Эта неоднозначность определялась в конце войны не только отсутствием точных сведений о Советском Союзе, но и неясностью послевоенных перспектив. Кроме того, сама по себе советская государственно-политическая система – явление многогранное, включающее в себя особую структуру органов власти, особые взаимоотношения центра и регионов, особое понимание гражданских прав и свобод. Все это определило некую «размытость» политического имиджа Советского Союза в американском общественном мнении в конце войны. Указанные обстоятельства поднимают значимость данной проблемы в изучении советско-американских отношений в конце Второй мировой войны.

На основе восприятия системы управления, Конституции, реализации гражданских свобод и других характерных элементов государственного строя СССР в американском общественном мнении выделяется сосуществование двух основных подходов.

В соответствии с первым подходом оценка советского государства в общественном мнении США к 1944–1945 гг., несмотря на плодотворное военное сотрудничество, не претерпела сколько-нибудь значительных изменений. Наиболее ярко это проявилось в прессе консервативной направленности. Например, журнал «Америкэн Мэркури» в качестве наиболее расхожих характеристик советского режима использовал исключительно термины «диктатура», «диктаторский режим», «диктаторский терроризм»¹. Эти определения, присутствующие в статьях, не затрагивающих внутриполитических вопросов (авторы анализируют преимущественно проблемы международных отношений), использовались как констатирующие.

Крайне негативная характеристика советской политической системы представлена в статье известного американского радикала Макса Истмена, опубликованной в «Америкэн Мэркури» летом 1944 г. Публицист пишет, что положения вроде тех, что запечатлены в *Habeas corpus act*, Великой хартии вольностей, Билле о правах, Декларации Независимости – «все, что подразумевается, когда речь идет о Правах Человека», – все это отсутствует в таких странах, как Германия, Испания и СССР. Суммируя свои оценки советского строя, Истмен использует определение «индустриальный феодализм». В качестве обоснования своей позиции автор приводит следующий довод: «Рабочие, так же как и крестьяне, – рабы в сущности. В истории крепостничества в его ранних формах сложно найти более суровые законы, чем те, что привязывают советского рабочего и крестьянина к государству»².

Подобный настрой отразился и на либеральных изданиях, в том числе позитивно относящихся к Советскому Союзу. Например, Эдгар Сноу, корреспондент «Совет Юнион Ньюс» в Москве, отмечал диктаторский характер советского режима³. Автора привело в недоумение отсутствие информации о правящей элите в СССР. Журналист, не имея возможности получить информацию о членах Политбюро обычным способом, обратился по официальным каналам к руководству НКВД с серией вопросов о членах Политбюро типа «Настоящее полное имя», «Образование», «Знание иностранных языков», «Когда и на ком женился», «Наличие детей», «Хобби» и т. д.⁴ Вежливо-отрицательная реакция комиссариата настолько поразила журналиста, что он поставил в своей статье немой риторический вопрос о наличии в Советском Союзе каких-либо элементов демократии.

Необходимо, однако, отметить, что подобные замечания были скорее исключением, чем правилом. Пока война не была закончена и две страны были связаны общей целью, общественность Соединенных Штатов в большинстве своем воздерживалась от резко критических оценок советского строя. Своеобразное обоснование этому обстоятельству представил Т. Лифка. Автор отмечал, что американцы признавали, что «Россия – это диктатура, возможно самая полная, которую мир когда-либо знал». Однако «...без этого Германия вероятно выиграла бы войну»⁵.

Второй подход в оценках советской государственной системы связан с поисками американской общественностью позитивных моментов, не отказываясь, однако, от «диктатурных» характеристик.

В этом плане показательна статья выходца из России А. Соколова. Несмотря на то что, по мнению автора, в Советском Союзе установлена «диктатура Коммунистической партии», Солоков характеризует внутреннюю политику партии как «последовательную демократию»⁶. Положительная характеристика государственно-поли-

тической системы СССР присутствует и в статье либерального автора И. Бранта. Журналист оценивает советский режим как «государственный социализм, управляемый сильным центральным правительством»⁷.

Несмотря на то что в американской прессе встречались и оценки советского строя как «государственного капитализма»⁸, это было скорее показательным исключением, нежели распространенной тенденцией.

Весьма интересный анализ советской государственно-политической системы и ее оценок американцами представил Ч. Сили, американский журналист, аккредитованный в Москве в годы войны. По его мнению, «Россия в течение последних лет иногда классифицировалась как демократия, подобная нашей, но намного чаще как жестокая диктатура. Ни та, ни другая идея неверны. Россия – не демократия наподобие нашей... в России нет независимых ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной), которые мы рассматриваем как обязательные элементы современных демократических государств. В России вся власть объединяется в одних руках. Однако социально-экономическая система России более демократична, чем наша»⁹.

Отчасти концепция Сили разделялась редакторами журнала «Лайф», которые, отмечая, что СССР – проблема № 1 для Америки в силу потенциальных возможностей бросить вызов американским концепциям правды, правосудия и благополучия, подчеркивают многогранность самих терминов «демократия» и «свобода». Именно в силу «собственных традиций», американцы желают «защищать демократические стандарты во всем мире в собственной трактовке». «Им [американцам. – O. P.] не нравятся российские стандарты демократии»¹⁰. Однако далее авторы утверждают, что использование русскими демократических понятий происходит лишь в целях прикрытия тоталитарных методов. Суммируя высказанное, редакторы делают вывод о том, что общая оценка советского режима

должна включать в себя как элементы «диктатуры», так и элементы «демократии»¹¹.

Интонации умеренной критики в адрес привычки американцев оценивать государственно-политические институты других народов с позиции собственных конституционных принципов звучали со страниц «Нью Рипаблик». Автор – Вера М. Дин, известный специалист по советско-американским отношениям, с огорчением писала о том, что «Соединенные Штаты руководствуются исключительно своими идеалистическими соображениями, что вступает в противоречие с несовпадающими доводами других наций»¹².

Устойчивое преклонение в американском общественном мнении перед понятием свободы имело результатом особую щепетильность в данной области. В восприятии советских свобод также выделяются два вида оценок.

Первая связана с признанием наличия и широкого распространения в Советском Союзе различных гражданских свобод.

Говоря об оценках американцами уровня распространения свободы в СССР, необходимо остановиться на позиции Ч. Сили. По его мнению, «российская политическая система не препятствует свободе...»¹³. По мнению Сили, свобода русских состоит в следующем: свобода «от любого беспокойства и опасения относительно старости», свобода «от беспокойства и опасения по поводу потери рабочих мест», свобода «от беспокойства о медицинских счетах и от других финансовых проблем», свобода «от любого беспокойства об образовании детей», свобода «от любого беспокойства и опасения по поводу загробной жизни»¹⁴. Публицист подобным образом обращает внимание на проблемы, являющиеся чрезвычайно важными для американцев.

В качестве производной от указанных выше свобод, «конструктивного духа» и «социального возбуждения» в Советском Союзе, по мнению П. Кота, выработалась «экстраординарная живучесть». В числе

важнейших положительных элементов советской системы журналист отмечает, во-первых, практику государственного планирования, обеспечивающую рациональное использование сил производства, и, во-вторых, сам характер социального режима. Кот приводит следующий, по его мнению, очень показательный пример: «Можно было предположить, что в бюджете 1944 года все средства, кроме тех, что предназначены для финансирования войны, будут направляться на реконструкцию фабрик и колхозов; фактически ассигнования на восстановление экономической жизни составляют 48 миллиардов рублей, а расходы на социальную работу и культурное развитие – 54 миллиарда. Это – один из многих уроков, которые Советский Союз может преподать нам»¹⁵.

Повышенное внимание советской власти к социальной сфере, доступность и масштабность многих социальных гарантий естественным образом вызвали положительные отзывы американской прессы. Во вторая Ч. Сили, Дж. Дэвис со страниц «Нью Рипаблик» отмечает, что «бюджет в этом году призывает к выделению 51 миллиарда рублей на социальную и культурную работу – гораздо больше, чем для экономического развития»¹⁶. Несмотря на различия в цифрах, необходимо суммировать следующее: практическим американцам достаточно сложно было понять, как в условиях полной разрухи советское правительство может выделять такие суммы на социальные программы. Тем не менее именно эта ситуация стала отправной точкой для формирования симпатий к советской политической системе.

Этот же автор, продолжая рассказ о Советском Союзе, отмечает следующее: «В течение года она [Россия. – O. P.] восстановила и открыла 1365 школ, 6 учреждений высшего образования, 27 технических училищ, 28 детских домов, 302 детских сада, 159 больниц, 408 амбулаторий, 13 дворцов культуры, больше 500 поселковых и сельских клубов, 200 библиотек, не считая тысячи деревенских читальных залов...»¹⁷.

Важнейшей областью внутриполитического развития СССР, послужившей объектом пристального внимания американцев, стал рабочий вопрос. Практически все стороны этой проблемы с позитивом оценивались многими публицистами Америки. Уже само декларирование Конституцией права на труд рассматривалось американцами не как «набожное желание», но как «гарантия социалистического общества». Это право, по мнению авторов передовой статьи в «Нью Мэссэз», было обеспечено особой «социалистической организацией народного хозяйства, отрицающей возможности экономических кризисов и безработицы»¹⁸. В качестве примера при характеристике состояния проблемы занятости журнал обращается к предвоенной истории СССР и делает следующий вывод: «...социализм демонстрирует, что не требуется война для обеспечения полной занятости населения»¹⁹.

Упомянутый А. Соколов отмечал, что «советская политическая система... не только формально признает демократические права граждан, но также обеспечивает материальные возможности для реализации этих прав, гарантируя право на работу, свободу от эксплуатации, от национального и расового неравенства и т. д.»²⁰. С известным позитивом американцы рассматривали и наличие системы социального обеспечения для советских рабочих (медицина, образование, отдых, жилье и т. д.)²¹.

Важным элементом советской политической системы, по мнению И. Бранта, являлась экономическая свобода. Оценивая СССР как «полностью установившуюся социалистическую систему», публицист отмечал, что эта система «исключает частную и расовую экономическую конкуренцию и превращает индивидуальную конкуренцию в соревнование за место в организованной государственной экономике»²². «Американский опыт», наоборот, по мнению Бранта, основывается на конкурентоспособном капитализме, который, в свою очередь, порождает «интенсивную частную ревность»,

что в конечном итоге регулярно приводит к федеральным судам²³.

Редакторы «Нью Рипаблик» также признают в качестве несомненного достижения советской политической системы рост материального благосостояния и культурного уровня рабочих масс. Они отмечают, что именно «преимущества советской системы» позволили Советскому Союзу «преодолеть столетия экономической и технической отсталости и кое в чем в десятки раз превзойти развитые капиталистические страны»²⁴.

В этом плане основой и гарантом всех свобод выступала советская Конституция – олицетворение демократии по мнению некоторых американцев. Как пишет публицист Е. Стивенс, «содержание и цель Конституции с ее универсальным избирательным правом для всех граждан, достигших восемнадцатилетнего возраста, с тайным избирательным бюллетенем, свободой слова, свободой печати, свободой совести и другими особенностями, позволяют рассматривать советскую Конституцию как самую демократичную конституцию в мире»²⁵.

Другой подход к восприятию американцами советских свобод отражает противоположную тенденцию: само понятие «свобода» никоим образом не может использоваться по отношению к Советскому Союзу. «Российские методы зачастую безжалостны: как в фашистских государствах, многие демократические элементы здесь подавлены или уничтожены»²⁶.

Наиболее полно эта позиция представлена М. Истменом. В соответствии с его наблюдениями, «несмотря на статьи Конституции 1936 г., в России нет никакой свободы слова (если речь идет не о сторонниках Сталина), печати или собраний... Зато есть произвольный арест; есть длительное заключение без суда... Есть строгая цензура иностранных журналистов»²⁷. Тем не менее Истмен вынужден фиксировать и некоторые положительные элементы советской системы. Во-первых, он подчеркивал эффективное решение рабочего вопроса

(прежде всего относительно здоровья и безопасности рабочих), а во-вторых, образовательные возможности СССР, которые, по мнению публициста, выше, чем в любой другой стране мира²⁸.

Еще одним аспектом американского общественного мнения было определение текущих и перспективных целей и задач советской политической системы. Как и в случаях с иными компонентами образа СССР, американская общественность не была единодушной. Полярные взгляды представлены Стэнли Хайем и Чарльзом Сили.

С. Хай, говоря о конечных целях Советского Союза и отмечая их непостоянство и непрочность, выделяет внешнеполитическую составляющую и суммарную ориентацию всей советской системы на внешний мир. В качестве примеров журналист использует факты поведения СССР в области внешней политики в 1939–1941 гг., а именно частые и драматические изменения во взаимоотношениях с Германией²⁹.

По мнению Ч. Сили, советская государственно-политическая система нацелена прежде всего на решение проблем внутреннего характера. Основные вопросы, стоящие перед Москвой, по мнению автора, таковы: запрет эксплуатации людей; социальное обеспечение; универсальное образование; устойчивая занятость, прожиточный минимум; бесплатная медицинская помощь; государственная собственность на основные природные ресурсы, включая землю, полезные ископаемые, древесину, водные ресурсы; государственная собственность на главные средства производства и распределения; полная политическая, социальная и экономическая свободы женщин; правительственный забота о детях; полное отделение религии от политики, экономики, социальной жизни, образования; дружественные отношения между всеми народами; постепенное становление бесклассового общества; конечная цель состоит в том, чтобы установить истинную демократию, где все люди свободны и равны и где есть полная свобода от нужды и страхов³⁰.

Таким образом, налицо две основные трактовки целей советской системы, которые, однако, нельзя полностью противопоставлять друг другу. Более того, при определенных обстоятельствах обе указанные интерпретации могли сблизиться и даже совместиться в едином образе. Это могло произойти в том случае, если бы комплекс внутриполитических задач, решаемых советским государством, был осознан американцами как угроза их образу жизни и всей системе национальных ценностей. При таком повороте внутриполитические устремления Кремля должны были оцениваться как проявление враждебности по отношению к духу американства. Очевидно, даже во второй половине 1945 г. время для этого еще не наступило, хотя предпосылки были уже налицо.

Несмотря на указанные выше «жесткие» оценки советского политического строя, в практическом плане на завершающем этапе войны по-прежнему доминировала установка, основанная на существовании коалиции, общности военных целей и задач. Как отмечал в журнале «Америкэн Мэркури» Норманн Анджелл, известный публицист, обладатель Нобелевской премии мира, «сегодня капиталистическая Великобритания и Соединенные Штаты используют все свои силы для того, чтобы помочь коммунистической России; коммунистическая Россия задействовала все свои ресурсы для того, чтобы защитить “свободы” Великобритании и Америки...»³¹. Факт существующей ситуации – очевидное для американцев доказательство того, что военно-политическое сотрудничество стоит выше различий в экономической и социальной областях.

Призыв сохранить и укреплять союз двух стран без акцентирования внимания на проблемах политического характера прозвучал в статье Э. Джонстона, крупного бизнесмена. Отстаивая идею тесного советско-американского сотрудничества по всем направлениям, со страниц «Ридерс Дайджест» он заявил, что разногласия политического и идеологического характера не

должны стоять между двумя странами. Товарам, писал предприниматель, являющимся предметом торговли между обеими сторонами, совершенно безразлично, социалистические они или капиталистические. Именно таким образом, писал Джонстон, следует относиться друг к другу на уровне межгосударственных контактов³².

Подводя итог, необходимо выделить следующие аспекты восприятия американцами государственно-политической системы СССР. К 1944 г. в американском общественном мнении достаточноочноочно утверждалась оценка советского политического строя как «диктатуры». Основанием для устойчивости в американском общественном мнении «диктаторской» терминологии, вероятно, служили два момента. Первый был обоснованно выделен Ф. Кирчвей, писавшей о «подозрениях и враждебности, характерных для коммунистического поведения предвоенного времени, так и не преодоленных в годы войны»³³. Вторая причина была связана с самим понятием «диктатура», под которым американцы подразумевали форму правления, основанную на единовластии, насилия, принуждении, попрании основных прав и свобод людей, что было совершенно несоставимо с традициями американской государственности. Поэтому наличие в СССР диктатуры подрывало привлекательность социализма, несмотря на все достижения советского строя в решении рабочего вопроса, создании образовательной системы медицинского обслуживания и т. д.

Тем не менее, сопоставляя оценки и взгляды американцев, следует отметить, что по сравнению с предвоенным периодом на завершающем этапе войны «тоталитарные» термины для характеристики советского строя использовались гораздо реже и не имели широкого распространения. Специ-

фика общественного мнения этого периода состояла в том, что понятие «диктатура» использовалось большинством американцев в бытовом смысле, без акцентирования внимания на насилийственных сторонах советской системы.

Второй подход к оценке советской политической системы заключался в публичном подчеркивании американцами демократических элементов, связанных с декларированием и реализацией многих, чрезвычайно важных с точки зрения американского менталитета гражданских свобод.

Таким образом, образ советского политического строя в американском общественном мнении в конце войны, оформляясь под воздействием разнообразных, порой противоречивых оценок и суждений, имел довольно расплывчатый, фрагментарный характер. Тем не менее основные элементы этого образа проступали достаточно отчетливо, композиционно и содержательно предвосхищая подходы, характерные для более поздней эпохи. Сохранение (хотя и с известными оговорками) терминов «диктатура» и «тоталитаризм», а также стремление конструировать модель восприятия государственно-политической системы СССР с позиций дилеммы «свобода» – «принуждение» обусловили формирование образа, вызывавшего по мере приближения конца войны все большую настороженность. Несмотря на очевидные попытки выделить в политическом строе своего союзника черты позитивные и привлекательные, образ тоталитарной диктатуры в американском общественном сознании так до конца и не был преодолен. В итоге к исходу войны в сознании многих американцев присутствовала модель советского государственного строя, которая, по их мнению, потенциально могла быть спроектирована за пределы государственных границ СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Dallin D. J. Russia's Plan for Germany // American Mercury. 1944. October. Vol. 59. N 250. P. 440; Bernays E. L. Preview of American Public Opinion // American Mercury. 1944. March. Vol. 58. N 244.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

- P. 421; *Chamberlin W. H.* Will Stalin Dictate an Eastern Munich? // American Mercury. 1944. March. Vol. 58. N 243. P. 273; *Chamberlin W. H.* Can We Do Business With Stalin? // American Mercury. 1945. August. Vol. 59. N 260. P. 194.
- ² *Eastman M.* The Gamblers With Liberty // American Mercury. 1944. July. Vol. 59. N 247. P. 44.
- ³ *Snow E.* Strong Men around Stalin // Soviet Union News. 1945. June. Vol. IV. N 6. P. 191.
- ⁴ *Ibid.* P. 192.
- ⁵ *Lifka Th. E.* The Concept «Totalitarianism» and American Foreign Policy, 1933–1949. Vol. 2. N.Y.; L., 1988. P. 266.
- ⁶ *Sokolov A.* Europe's New Democratic // New Masses. 1945. December 18. Vol. 57. N 12. P. 16–17.
- ⁷ *Brant I.* The New Russian Enigma // New Republic. 1944. February 28. Vol. 110. N 19. P. 273.
- ⁸ Marxism in Russia // New Republic. 1944. April 17. Vol. 110. N 16. P. 521.
- ⁹ *Seely Ch. S.* Russia and the Battle of Liberation. Philadelphia, 1945. P. 34.
- ¹⁰ America and Russia // Life. 1945. July 30. Vol. 19. N 5. P. 20.
- ¹¹ *Ibid.*
- ¹² *Dean V. M.* What Do We Want in Europe? // New Republic. 1945. January 29. Vol. 112. N 3. P. 141.
- ¹³ *Seely Ch. S.* Op. cit. P. 37.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 73.
- ¹⁵ *Cot P.* Russia's Resurrection // Nation. 1944. October. Vol. 159. N 15. P. 409.
- ¹⁶ *Davis J.* Russia Rebuilds // New Republic. 1944. November 6. Vol. 110. N 19. P. 591.
- ¹⁷ *Ibid.*
- ¹⁸ Speaking of Socialism // New Masses. 1945. October 2. Vol. 57. N 1. P. 31.
- ¹⁹ *Ibid.*
- ²⁰ *Sokolov A.* Europe's New Democratic // New Masses. 1945. December 18. Vol. 57. N 12. P. 116–117.
- ²¹ The Russian Can Manage // Fortune. 1945. January. Vol. 31. N 1. P. 160.
- ²² *Brant I.* The New Russian Enigma // New Republic. 1944. February 28. Vol. 110. N 19. P. 272.
- ²³ *Ibid.*
- ²⁴ Marxism in Russia // New Republic. 1944. April 17. Vol. 110. N 16. P. 521.
- ²⁵ *Stevens E.* Russia is No Riddle. N.Y., 1945. P. 175.
- ²⁶ *Kirchwey F.* Russia and the West // Nation. 1945. June 23. Vol. 160. N 25. P. 686.
- ²⁷ *Eastman M.* The Gamblers With Liberty // American Mercury. 1944. July. Vol. 59. N 247. P. 46.
- ²⁸ *Ibid.* P. 47.
- ²⁹ *High S.* Our Communists are So Sorry They Were Good Boys // The Saturday Evening Post. 1945. December 1. Vol. 218. N 22. P. 114.
- ³⁰ *Seely Ch. S.* Op. cit. P. 88.
- ³¹ *Angell N.* Peace and the Common Man // American Mercury. 1944. November. Vol. 59. N 251. P. 526.
- ³² *Johnston E.* To Bridge the Gulf Between the U.S. and Russia // Reader's Digest. 1944. August. Vol. 45. N 268. P. 35.
- ³³ *Kirchwey F.* Stalin's Choice // Nation. 1944. January 22. Vol. 158. N 4. P. 89.